

ЧОРТОВА ПРЫГОДА.

Казка.

(Т. Г. Шевченку) ¹⁾.

Доводыте вы мени, що про чорта тилькы по́славка, а ништо того чорта зъ роду не бачывъ? Не ручитесь, заждитъ трохы,— бо я ёго бачывъ. Эге жъ! Бачывъ на свои власни очи, отсе якъ васъ бачу.

1) Помѣщая на страницахъ нашего журнала настоящую сказку г-жи Марко-Вовчокъ, полагаемъ, что читателямъ небезынтересно будетъ знать, почему авторъ обратился къ обработкѣ сказочнаго сюжета. Рассказываемъ со словъ самого автора, позволившаго намъ сдѣлать это небольшое предисловіе къ сказкѣ.

Въ маѣ 1859 или 1860 г., передъ выѣздомъ г-жи Марко-Вовчокъ за границу, Т. Г. Шевченко завѣщаль автору непременно заняться обработкой сказокъ. «Гляды жъ, доню,—просилъ поэтъ его,— щобъ ты мени напысала копу-двѣ, або пять, а то й симъ киль казокъ»... Выполняя волю поэта и данное ему слово, г-жа Марко-Вовчокъ обработала нѣсколько народныхъ сказокъ. Настоящая сказка и есть, именно, одна изъ тѣхъ, которыя были написаны по завѣщанію поэта. Передавая ее въ редакцію нашего журнала, г-жа Марко-Вовчокъ дала любезное обѣщаніе и на будущее время дѣлиться съ читателями имѣющимся у нея матеріаломъ по мѣрѣ обработки его.

Ред.

Не ймете виры? Може думаете: поязычывся Свырыдь Костомаха! Коля така ваша, братики, думка, то дуже вы помыляетесь. Що й казать, на божому свити усёго досхочу—не бракуе тежъ и молодцивъ-брехунцивъ, що збрехаты имъ за превельки ласощи, а забожытысь—якъ Сирку муху зйисты. Знавъ и я такыхъ, що въ живїи очи тоби бреше, якъ шовкомъ шые—хочъ бы моргнувъ вражый сынъ! Та Свырыдь Костомаха не того тиста кнышъ. Мій батько—хай надъ нымъ земля перомъ!—не брехавъ и сынови не звеливъ. Та й скажить мени, будь ласка, яке тамъ добро зъ тїей брехни? Чувалы може й вы, що брехнею свить перейдешъ, та назадъ не вернешся. А йды правдою, то скризь тоби шляшокъ бытый—чы тудою, чы судою, чы на схидъ сонця, чы на захидъ.—Я, щобъ вы знали, провидавъ того свита—бувъ, якъ то кажуть, у бувальцяхъ. Чого то я не чувъ, чого то я не бачывъ? Чого не траплялось, чого не доводилось! Й не сказаты, й не змалёваты! Що вамъ отсе въ дывовыжу, то мени въ обидень, що вамъ чудно та дивно, то мени воно такъ, якъ въ борщи сало, або у литечку травця, а на водохрещи морозъ.—Прымиромъ кажучы, якъ бы вамъ той чортъ постричався, то у васъ зъ переляку, мабить, очкуръ бы луснувъ, а я стривъ, то мени й за ухомъ не засвербило: чортяка, то нехай и чортяка, страшный, то нехай и страшный... Не въ такому горщыку наварювалы, та дякуваты Богу—ошамненько выйидалы.

Эге жъ, бачывъ я ёго добре—не назиркомъ, а такъ, якъ отсю чарку, що передо мною. Якъ бы прымигъ малёваты, то намалювавъ бы вамъ и рижка, и копытце.

Щобъ то мени ёго не розгледиты поплычь зъ нымъ сыдючы, та слухаючы, якъ винъ на свое лыхо нарикае... И добре я ёго бачывъ, и дизнавъ, яка ёму сталася прыгода. Може бъ ёму й раду давъ, якъ бы не дурна ёго голова.

Та, мабить, никуды вже дитысь, треба усе, зъ зачала и доладу вамъ розказаты. Слухайте жъ, якъ було дило.

Може чулы вы, якъ позаторикъ весною я, у недилю вранци опынывся въ провалли по-пидъ греблею?

Пидь тую неділю я прысмеркомъ гулявъ коло своеи хаты. Гапка, бачте, заходылась хату бильты, та «не лизь», каже, «по пидь руки, гуляй оттутечкы, помы впораюсь». Я й гулявъ. От-така гулянка, та ще якъ чоловікови на думку яка-небудь пры-крость наvertsається, не розважае. Покружывъ я, покружывъ коло хаты, та й натрапывъ на стежку до греблі: одвідаю кумъ Демка Пельшаса.

Гапка, мабуть, плескала вамъ, нібы я нышкомъ втикъ, такъ се іи жиноча брехенька. Звисно жинка: якъ нема чого ій треба, то выдума та й каже: ось воно йе! И не втикавъ я, и, якъ вона клыккала, не вдававъ глухого, а побрався соби спокійненько.

Сонечко вже запало за гору, ричка ледви блыскоче, віе вес-няный благый витрець, а я іду, та думаю, чы дома кумъ Демко, чы може подався до дядыны. У дядыны булы колеса на спродажъ и хвалывсь Демко, роздывлюсь, мовлявъ и якъ вподобаю, та буде ноцинно, то треба неодминне тї колеса купыты.

Кумъ Демко—хай царствуе—бувъ мій давній, трохы не зъ повиточку, прыятель, то винъ до мене, а я до ёго й на пораду й на розвагу. Прыхожу. Кумъ дома—радъ, витае: «а, Свырыде друже!» Витае й кумова жинка—витае, а кирпонька въ гору. Не конешне вона влюбляла, якъ до чоловіка трапытся гистъ: такій чепуруси въ жадибку попащыкувать, та побарашкувать, а поважна розмова ій смакуе. якъ кошениати редька.

— А чувъ, Свырыде,—каже Демко,—що у Глушка коней выкралы? Та не въ ночи, а вранци... А ты, Одарко—господыне, (до жинкы то) чого стоишь, якъ малёвана? Ворушысь, та справ-ляйся, бо пославъ намъ Богъ любого гостя и треба ёго гарненько почастуваты. Чуешъ?

— Та чую жъ, чую,—одвертае.

Заразъ заходылась оноряджаты стола, застилае скатеркою, становить чарочки... Може й нерада, та мусыть, бо хочъ Демко бувъ плохенький, жиночымъ вытребенькамъ потуравъ, й жинка у ёго въ хати верховодыла, а проте, якъ прыпаде прыятеля по-частувать, то литай якъ муха, колы не хочешъ щобъ тоби очи-покъ злетивъ.

А Демко зновъ до мене:

— Чы жъ не дыво: ще по свитанню той бидолаха Глушко бачывъ, стоялы кони, а зійшло сонечко...

— Де тамъ винъ ихъ бачывъ, якъ звечора до самого ранку пидъ коморою безпритомный лежавъ!—озвалась Демчыха. Не пывъ бы горилкы, не проворонывъ бы коней!

— Отсе жиночый розумъ!—сміється Демко:—наче бъ то у тверезыхъ коней не крадено! Хыба у тверезыхъ шкоды не бува... Эге—ге! абы здорова на плечахъ голова! Хто ёго й зна, въ кого бильшь шкоды лучается, чы у пьяныхъ, чы у тверезыхъ...

— Ни, куме,—кажу,—що правда, то правда: горилка до добра не доведе!

(А самъ поглядаю на Демчыху).

— А вже жъ не доведе,—згожується Демко. Треба, бачъ, миру знаты.

— Эге жъ, миру!—почала, наче бъ то кепкуючы, Демчыха.

Та не доказала, бо Демко вже доставъ царягрядку—така була въ ёго не зъ малыхъ пляшечка жбанкомъ,—одъ якогось турчына чы що соби прыдбавъ—й дае їй у руки: «оковытой мени, та хутенько!»

Вона метнулась до шынку, а мы, дождаючы, зновъ дывуемо, та миркуемо, звидкы навернулись ти сквапни молодци, що Глушковыхъ коней запопалы.

Колы ось и Демчыха зъ оковытою...

— Ой, жинко,—стрича Демко,—тебе бъ по смерть посылать, тобъ нажився чоловікъ...

— А мени здається, що госпося наче на крылахъ обернулась,—кажу.

(Не те що всмихнулась—й не поглянула на мене).

А Демко бере пляшку и частуе мене:

-- Выпьемъ, куме, по повній, бо нашъ викъ недовгый?

Я, бачыте, не дуже ласый на ту горилку, то трохи й осталось у мене въ чарци, а Демко заразы пидповня:

— Пый, куме, до дна, бо на дни молоды дни!

Нікуды дитысь, выпываю, бо якъ тебе частують, то треба жъ не по-песьскы, а по-чесьскы... Выпываю, а про те такы до-вожу, що та горилка—невирна дивка.

— А неvirна,—зновъ згожується Демко.

Та до жинкы:

— Не покоштуешъ, Одарцю?—Добра!

— Дякуваты!—одвертае.

Сила оддаликъ, руки склала, сыдыть мерухома, та пасе насъ очыма... Ажъ мени ніяково...

А кумови байдуже,—одну выпывае, другу наливае...

— Не покоштуешъ, Одарцю? То Богъ зъ тобою, сердце-пятко. Пишла, якъ то кажуть, баба пишкы, не буде замишкы... До тебе, Свырыде...

А тымъ часомъ розмова точытся, та точытся. Обмиркувалы Глушкову шкodu, згадалы, якъ торикъ у ярмарку баба скочыла на чужый визъ та за Бугъ утикала—запопалы іи ажъ по тымъ боци на берези...

И каже Демко:

— А славно тамъ по-за Бугомъ! Якъ бы то спроможність! Якъ бы то кудю схотивъ, тудю й полетивъ! Давно бъ я по-за Бугомъ гулявъ. Неспроможність гиркая! А такы я за Бугъ выберь!

Треба вамъ знаты, що кумъ Демко, абы запорошывъ трохы око, заразы ладытся у мандривку. Памъятаючы таке, я зъ нымъ дуже и не змагаюсь, а тилькы звычайненько нібы пытаю:

— Чы ты брыдышь, куме? Отсе бъ ты мавъ кыдаты жинку, хазяйствечко?

— А на биса мени та жинка?—одказуе. На биса те хазяйствечко? Одна морока!

Тутъ Демчыху, мабуть, допекло до щырця, бо ажъ засычала:

— А вже жъ! на биса жинка... Якъ винъ розумный, то й самъ потягне за Бугъ, а якъ ще забере зъ собою кума Свырыда, то буде така пара, що й по-за Бугъ не стыдко!

(Се такъ на мене закъда гадючку, а я... наче мени не втямки).

— Що мени той Бугъ?—правыть Демко. Хыба въ Бога одынь Бугъ? Зъ-за Буга я й дали... кудую схочу, тудую й потягну... Эге, Свырыде?

— Тягнить, тягнить на здоровье!—глузуе Демчыха. Абы Гапка не потягнула когось на росраву...

(Зновъ гадючку на мене закъда, а я зновъ нибы мени не втямки).

А Демко вже захожується ажъ у Палестыны.

— Чувъ я, каже, за тыи Палестыны. Отсе жъ до тыхъ Палестынивъ и посуну!

И що ёму мицнійшь у голову уступае, то винъ дали посува. Вже й по-за тыи Палестыны—хвалытся—втопчу стежку, а зъ-за Палестынивъ...

— Може й пидъ лаву, поручъ зъ кумомъ Свырыдомъ?—перехоплюе Демчыха.

— (А Свырыдъ такы тебе не зачепыть, гаспыдова дочко!—думаю). Й наче не чувъ, озываюсь до Демка:

— Якъ на мене, куме, то я бъ зроду не залышывъ свои господы...

— У Палестыны!—правыть, у Палестыны! И геть-геть за Палестыны!

Въ голови ёму вже добре бренишь... Частуе: до тебе, куме, до тебе, Свырыде! а усе самъ спожыва... А дази, що було остатне у плящи, выжлуктавъ безъ чаркы, нахыльцемъ... И не вгава: у Палестыны! у Палестыны!

Мени ажъ брыдко стало...

— Яки тамъ, куме, Палестыны,—кажу. Нащо вони намъ здалысь?

— Отсе жъ несогласный Свырыдъ у Палестыны,—зновъ вязується Демчыха.—Въ Свырыда така думка, щобъ найпершь Панамарчука одвидать...

(Себъ то шынкаря—тоди у шынку сидывъ Панамарчукъ Петро).

Я зноў нібы не чую, а вона такі цокотыць:

— Несогласный Свырыд у Палестыны, несогласный... По-веде тебе до Панамарчука... не пустыць до Палестынивь...

А Демко якъ гримне:

— Не пустыць?! Хто не пустыць?

Трохы прыпекло вже й мени.

— Годи вже, куме, зъ тымы Палестынамы!—кажу. Чы жъ прыпада добрымъ хазяйнамъ по свити блукаты? Нехай дурни по дорогахъ тыняются, а доброму, довожу, хазяину не блукать, а прыдбать...

А винь на мене:

— Зась!

— Якъ то, пытаю, зась?

— Зась! зась!—репетуе. Не дамъ у кашу соби дмухать!

— Таке?—кажу.

— А мабуть «таке»!—сміється Демчыха.

Зубы блыскотятъ, зъ очей ажъ искра скаче... Рада пророва дочка! Одкынула дзвері, держыць на стежи, та прымовляе:

— Ой, Свырыде, не барыцца, та до дому поспішайцеся! Чы забулы, що Гапка у ярмарку новыі соби макогінъ купыла, та такыі якъ зъ заліза... И коцюба вь іі справна... Ой, не барыцца...

А Демко такы не вгава:

— Зась! зась! не дамъ соби вь кашу дмухать!

Хоче знятыся зъ лавы, та не сыла—наче прыкыпывъ...

А Демчыха ажъ танцюе:

— Берыцца до-дому, Свырыде, берыцца до-дому! Ой, берыцца, бо макогінъ у Гапки срыбныі, а коцюба золотá...

Горобецъ маленькыі, а сердечко мае... И не те що горобецъ, и святыі часомъ скрывыцца... Надозолыла мени катова дзундзурыха.

— А пожды, кажу, дамъ я тоби й макогона, и коцюбы!

Та впрость до неі...

А вона скокъ до дзверей, та зъ хаты... Я за нею, та якось трохы зачепывсь на порози,—бо до ката було тамъ вь неі уся-

чыны понастановлено,—а вона въ мене по-пидь рукою дзыгъ зновъ у хату, та на дзыгу шторхъ мене у плечи, та хатніи двери за собою на зашипку... Я й не схаменуvsь, якъ выпхався...

Постоявъ, постоявъ, полапавъ трохи двери--двери въ ихъ славныи, дубовыи—та й повернуvъ на греблю: хай тоби рыба й озеро!

Иду та гадаю: на що то Господь мылосерднѣй натворивъ отсю жиноту? На що вона здалася? Тилькы спокушає доброго чоловіка, та свить ёму завъязує!

Ось и гребля. А зоряно такъ, що, здається, зорямы въ вичи сыпле. Колы зиркъ: *винъ* сыдыть, саме де вирва, та такій невеселый, наче вси шляхы загубывъ. У воду дывытся.

— А що, кажу, бисыку, чого се такенькы зажурывся?

Зитхає важенько.

Пытаю: гирко, бисыку?

— И—и!—одказує.

Та й посувається трохи, нибы навдогадъ: «сидай коло мене». А що, думаю, сяду я, посыджу, бо такы добре спизнывся, а дома Гапка дожыдає... Выглядала-выглядала, а дали вже годи... Сыдыть на лавци, очи втоиыла въ землю й кыпыть... Тыхесенько потягну я двери... Га! чого сё такъ раненько вертаешся, господарю? Чому ще хочъ трохи не погулявъ? Та якъ визьмется зъ мене воду варыть, то варытыме, варытыме... Пизно прыйду—не помылує й ранишъ прыйду не помылує, то нехай вже прыйду пизно.

Сивъ я коло ёго. Посыдили. Винъ усе дывытся у воду, а я дывлюсь на ёго. И такій винъ, сиромаха, смутненькый. Скорчывся, зморщывся, ажъ рижкы нибы привъялы,—у такій скруси, що мени жалько стало. А до того щей цікавый я, що то ёго, бисыка, такенькы сыльне зажурыло. И зновъ пытаю:

— Гирко, бисыку?

А винъ зновъ:

— И—и—и!

— А хыба вы вчора народылысь,—кажу,—не знаете, що на свити бильшъ смутку, якъ радости... Не зъ васъ воно нача-

лося, не вамы воно й, скинчытся... А вы такы не вдавайтесь въ тугу, кыньте лыхомъ объ землю. Журба сорочки не дае. Не все жъ и хмарытся та сонечко заступа—колысь и выяснытся.

— Не выяснытся!—каже.

— Чому такъ? Нема, довожу, не переходячого на божому свити, нема повсичасного, навичного—або перейде, або привыкнешь. Онъ, славлють, що якъ обсвидчутся, то жыуть и въ самому пекли, хочъ у кыпячій смоли не велька прыдоба.

— Що те ваше пекло!—суме. Що та ваша кыпяча смола! Жарты...

Та зитха такъ, що стари высоченни вербы до земли на гребли похыляюцца.

— Якъ пидкладаты угилля, кажу, та пиджарюваты, то, може, воно й жартушки, а якъ у смоли кыпите, то вже не играшка.

— Та ваша пекельна смола—ласоци. Я не въ такій кыплю одъ вечора до ранку, одъ ранку до вечора! Га!

Та якъ гакне, то ажъ зори на неби заворушылысь.

А я ёму:

— Паньчъ вы, бачу, и чы не паньчывськы у васъ прымхы? Траплялысь мени такы, що пучку на тернынку поколе та й реве до Бога, яке ёго страшенне лыхо спостыгло. Коны така ваша напасть, я безъ знахаря лыкы знаю.

Ажъ пидскочывъ:

— Яки?

— А ось яки: забрать бы васъ на роботу, на щыру крестьянську, щобъ вы й попооралы и попоборонылы; а до того попобидкувалыся, що ничымъ засяты, та пишлы, горуючы, до дому, а въ дома ничымъ голодну душу пожывыты...

Махнувъ лапкою, нобы: «никчемни твои лыкы!» Та й буркнувъ:

— И не такой вона мени завдавала!

Наче мене у тымъ стукнуло: «вона!»

— Що жъ то за «вона»?—пытаю.

— Жинка. За жинкою пропадаю!—признается.

Эге! се вже не перелывкы! Згадалося, знаете, яка та силь въ оци, ти жинкы...

— Жинка? —перепытую.

— Не любыть! не вгожу! Не дамъ соби рады! Пропадаю!

— Отсе, Кажу, щобъ то зъ жинкою та не дать соби рады! Нехай жинка буде якъ кропыва жыжкая, а въ здатнёго чоловика у, тыждень стане мякенька, якъ шовкова.

— Якъ ваша Гапка?—всмихнувсь та такъ, наче вкусывъ.

(Сказано: бисыкъ, то добре зна, де торкнутъ).

— Що та моя Гапка,—кажу,—якъ ввирятся мени Гапчыны примхы, такъ, бувайте певни, въ одынъ ментъ запобижу тому лыху.

— Хвастыкъ зъ васъ!—и зновъ всмихається.—А проте напоумте... Скажите, будь ласка, якъ бы вы моёму лыху запобиглы?

(Видама ричь, кого огнемъ пече, тому скрызъ вода мріється, а хто топытсь, той и за зиллыночку хопытсь).

— Що жъ, згожуюся, може я вамъ и стану у прыгоди. Вы роскажыть мени, зъ чого и якъ скоилось ваше лыхо, нехай я усю подрибныцю втямлю. То може й добру пораду дамъ.

Винъ важенько зитхнувъ и почавъ:

— Впала вона мени добре въ око ледви я ии назорывъ,— тилькы я того не вжахнувсь, бо не першына було мени цяцкаться зъ жинотою. Трацялось, що одна вдряпне, друга забере трохы глыбше, третя нибы й за живе зашморгне, то все те, якъ зъ гускы вода. Щобъ зъ нею одружытсь, або викъ коротаты, того я и въ помысли не мавъ. Думка така була: погуляю, та поласую, щобъ мене браты мои знали, що и я не въ пни жыву. Докы схочу, доты пожартую, а докучыть—дали помандрую... Жартуючы, почавъ до неи вцащаты... вцащаю та жартую, а дали вже безъ неи мени якось и нудно, и трудно, де вона—тамъ мои й очи, тамъ мои й мысли, а зйдуся—не надывлюся, не наговоряюся... Ой, та й година жъ була! Якъ згадаю, то ажъ...

Та й умывся слёзамы.

— Самый медъ?—пытаю.

— Медь!—плаче.—Медь! Ой, медь! Такой... такой... медь... такой...

— Та годи вже,—впыняю (бо не впыны закоханця, то винь и поky свита сонця той медь смаковатыме у спомынку).—Шкода, що вража ласощь кысне... а тобь ии и невциновать. Скысь и вашь медь, эге?

Затулывсь ланкамы, та тилькы рижкы трыпотять.

— Чы жь прыпада жвавому бисыняти оттакечкы побыватсь?—соромлю ёго.—И сорому не мае!

— А я жь ий годывь!—плаче. А я жь на свой шыи скрызь по свити ии возывь! А я жь перерывавсь, якь вона того хотила!

— Якь то,—пытаю,—вы на свой шыи ии возылы? якь то вы перерывалысь? Роскажыте швыденько, бо незабаромь вже на свитання благословытсь, то й не встыгну я порады вамь даты. Годи вже вамь рыдать—чыхнить та розкажыте.

Вгамовавь винь слёзы, схылывсь на праву лапку голёвкою, та й зновь розкажыте:

— Забажала вона,—розкажыте,—свита провидать. Нижкы, каже, вь мене маленькы, то шкода ихь втомлюваты, а колы ты такой на все здатный, якь хвалыпсь, и мене дуже кохаешь, то впоряды такь, щобь ты мене на шыи возывь, та скрызь, де мени любля, та щобь скокомь зь горы и на гору...

Вона ще каже, а я вже доли лежу й шыю наставывь: «сидай, мое золото, мостысь, мое сердце»... И повизь на шыи... И возывь... И по горахь, и по долинахь, по всихь украинахь... Возывь и вь слёту, и вь морозь, и вь спеку. Часомь духу вже вь мене не хвата, оть-оть впаду, а трохы вона скрывытсь, то де та сыла визметсь—зновь перхну такь, що ажь залускотыть. Возывь поky ий надокучыло. «Обрыдла мени та гулянка, ссады мене швыденько!» Я поспивавсь, а бувь дуже змореный, ажь вь очахь мени зеленило, и хочь не впавь, а не вдержавсь, трохы похытнувся и схытнувь ии злегенька...

Та зновь у плачь.

— Щожь вона?—пытаю.

— Розгнивалась. «Зателепа!»—гнивается. «Плюгашъ безмозкый... Бецманъ... вайло дурне!»

Прыгадуе, та выличуе якъ вона его шанувала, та зъ жалю ажъ трусытся.

— А вы жъ що їй на те?

— Я прошу: серце, выбачъ мени...

— Та й моторяка жъ зъ васъ!—сміюся. «Выбачъ, серце!»
Колы бъ мене, я бъ передъ нею не замруживъ ока, я бъ таку дзундзурыху добре прыборкавъ!

— Якъ свою Гапку?

Оттаке бисыня, здається спантелычывся зъ скорботы, а не забува, що й Гапка не що дня свята...

Що вамъ та Гапка на завади?—кажу. Не за Гапку ричъ, а за вашу кралю... Такъ отсе кажете вы їй «выбачъ серце», а вона?

— Одвертається, та кепкуе: «зателепа, вайло, потрощывъ мени уси кисточки». А дали вже й не озывается. Прохавъ, плакавъ гиркымы, благовъ, та благаючи й кажу: радъ бы для тебе на двое перерватся. А вона тоди: «а ну, перервысь на двое!» Я трохы не до неба пидскочывъ. що хочъ промовыла до мене, и въ одынъ черкъ такъ перервавсь, що половина мене коло іи нижокъ, а половина геть на одшыби опынылась.

— Вжахнулась?—пытаю.

— Не вжахнулась! Зитха важенько. «Отсе и всего того дыва»?—кепкуе. «Що то перерватся на двое! Дурныця, пустяковына... Колыбъ на четверо!» Я заразъ на четверо...

— Вдовольнылы кралю?

— Не вдовольнывъ... «Чому, каже, не на восьмеро?»...

— Вы на восьмеро?

— Я на восьмеро...

— Догодылы такы?

— Подывылась й зморщыла носокъ... «Що то таке? Якись мотлохы, чы що? Локшына якась! Тъху! Яке жъ погане! Нехай мои оченята й не дывляться»... Пишла и... заспывала...

Дали вже й не промовыць—попрыдушыць ёго жаль, якъ зашморгомъ.

Посыдлы мовчкы,—винъ смакуючы свое лыхо, а я—роздумуючы, та розгадуючы... Боже, Боже! що та жинка може! И котра жъ найушыплывій стае сылю въ оци, найуидлывій колючкою въ серци, чы бисывська, чы хрестьянська? Хрестьянынь, хвалыць Бога, не пекельного роду, не прыдильно ему Господомъ, щобъ винъ на двое, чы на четверо перерывався, а проте инколы и хрестьяпыну трапляеця така краля, що ему на мотлохы пониматкуе серце, на дризочки побье душу... Роздумався я оттакчы, розгадався, та трохы позитхавшы, почавъ всмихатысь: не вси дома—всмихаюсь,—у сего бисыняты, що коло мене бидкаеця, тай мы, хрестьяне, незгирпы: у яки то мы, поздоровъ насъ Боже, пышемось непроторени дурци! Часомъ никчемнійшы мы видъ того вытороплюватого бисыка...

А бисыкъ якъ гримне на мене:

— А ну жъ, чого зубамы блыскочешъ, хвастыку, ставай у прыгоди! Запобігай лыху! Ратуй!

Я зыркъ на ёго, а винъ наче разомъ сказывсь, й така зъ его искра сыпле, що ажъ у вырви сычыть. Я хутенько посунувсь дали—бо сыдлы жъ рядкомъ,—тай на ёго:

— А чого се ты, навижене чортаня, гримаешъ на мене, якъ на свого чортового батька?

— Бо хвастыкъ зъ тебе! Хвастыкъ! хвастыкъ!—скыглыть, наче его завийна ухопыла.

— А отъ, кажу, якъ попаду я тебе за твои бисови рижкы, то поты воны й стримылы...

И такы бъ я его повчыць, такъ не охота, бачте, поганытысь...

— Зажды, кажу, зажды—дамъ я тоби...

И не чые, такъ распалывся, та все:

— Хвастыку! хвастыку!

— Якъ ты, кажу, дурне бисыня, за мою добрысть, що я тебе пожалывъ, оттакъ на мене вызвирывся, то пропадай ты изъ

твоєю гаспыдською жинкою. Яке наварывъ, таке и поживай: не буде тобі видь мене ніякои рады, а ни порады.

— Давай раду!—верещать. Давай, бо хвалывсь, що дасы... давай, хвастыку.

До того ще ночавъ лаятысь, та такъ погано, що й москаль, здається, его бь не перемигъ, та такъ клене, що й найязыката церкунка мусыла бь сховатысь підъ лаву. А самъ такъ и сыкается въ вичы, якъ оса.. Спомьянувъ и Гапчынъ макогинь: нехай тобі (нибыто мени) до вику Гапчынъ макогинъ голову товче, а ты щобъ похылявсь, та тилькы белькотавъ: «Гапуню сердце! Гапусю рыбко»...

— А бодай ты скысь!—думаю, а тымъ часомъ потроху все дали, та дали видь его посуваюсь... бо вже й надокучыло мени баляться зъ нечыстою сылою... та до того ще й така думка: чы не доведеться мени за цю пекельну кумнанію возыть попа въ решети?... Тай кажу:

— Не дурно, кажу, у насъ говорытся, що якъ хочешъ по-сбутысь прыятеля, то нагодуй ёго голодного, або пожалуй та заломожи ёго дыху. Мабить и у васъ, бисивъ, такый самый звычай... Отъ така твоя дяка за мою ласку?... за мою добристь?...

Винъ нибы трохы засоромывсь—покынувъ лаятысь и схопывъ у лапки свою дурну голову, наче вона ему распадается зъ тугы. А я, вважаючы що винъ втыхомырывсь, зразу гонивъ на двое геть видь ёго. Такъ постерегло кляте чортеня.

— Га! израдныку! втикать!

Та до мене, а я межъ стари вербы, та скокомъ на пенёкъ, та зъ пенька черкъ на вербу, та зъ вербы й захрестывся на округы...

Якъ винъ заскавучыть, якъ засыгыть, Боже мій! свито мій! И тудою зывається, и сюдою—хоче до мене прысыкаться, та ба! ничего не вдіе—захрещено... Тилькы дурно мордуется.

Та й мордувалося жь скажене бисеня! И скаче, и тупоче, и по земли качается, и въ гору шнется, конытцями и толочыть, и рые рижкамы и довбае, и крене, зубами ляска, ажъ по за ричкою лунае, очыма вже помотлошывъ мене и пожерь... Крутытся,

вертыцца, скавучыць, ськыглыць, свержочэ, вые, стогне... А зь самаго таке поломья прыска, непаче стонадцять кипць смоляного вихця палае.

А я уместывсь соби на верби й байдуже мени: нехай, думаю, турецькый сынъ мордуеця! Я спокійненько, та гарненько пересыжу, помы на свить благословыцца—а засывають нивни, нечыста сыла сьлызне, тоди поберусь до дому... бо такы вже чась...

Посыдивь я трохы, подывывсья, потишывьсья... дали й надокучыло мени. Одно—невелька честь на гилли стремиты, а друге и те, що треба жь и стерегтысь трохы, бо нечыста сыла каверзна: часомъ таке тоби утне, що й до выку чмыхатымешь... И що дали, то все мени гиришь та гиришь надозолое... До того ще й жалкуваты ни на кого, тилькы на свій дурный розумь: надало змылуватысь надь тымъ наниженымъ пекельнымкомъ! Я, батце, такый чоловикъ—мякушка, що нехай де яка прыгода, або журба, або смутокъ, то заразь тамъ мой й жалоци... Одже жь и пожалувавь, бодай ёго хринова маты жалувала!

А чась хочь не стоить, та й не летыць крыламы. На неби зори ажь скачуть и такога ихъ, наче хто разь-у-разь зь кошыкывь нидсыпа; молодыкь нибы все ще вь гору пидбываеця, соловейко не вгава—щебече... Коны ще на те свитанне благословыцца!

И така на себе досада мене допикае, що якъ бы це не я, а хтось иншый, тобъ до ладу ёго вычубавь. Зитхаю важенько, та думаю: Грыць наварывь, Грыць и поживай!

Тилькы що я соби тее прымовывь, мене наче вхоныло: годи панькатыся зь тиею прынукою! Удостачу тиеи пидгнеты! Не хочу! не буду! Разь маты родыла!

Обхрестывсь та й беркыць зь вербы впрость на гаспыдови рижкы.. Несамовыто загарчавь гаспыдь... Земля наче луснула... застугонила... Загуло, завихтырыло... Усе пишло обертнемь... Та якъ черкне мене вь гору, то я фуркнувь якъ зь лука... И понесло мене наче степови пухы... Несе-несе-несе... та все околямы, ажь геть по-за Трощанськи гаи, по-за Сорочый Бродь,

по-за Гайворонський степь, та по-за якісь кручи, та яруги, та бескеды... Та якъ бехнуло, то ажъ трохи не на три цали у землю мене втрощило... Схаменуясь помалу, пидвожусь роздывляюсь... Се жъ я у провали по-за млыномъ! День вже такий, якъ быкъ, тычба людей гомонить коло гребли, а Гапка надо мною молитвочку вычитує... Сказано жинка: тутъ бы дякувати Господеви, що вызволивъ чоловіка зъ напасты, а вона нарикаты, та гудыты, та кепкуваты... И що жъ вы думаете, доси не ймо виры! «Пьяныцямъ,—наполягає.—каты зна що верзется»... Себъ (то я пьяныця... Та до того якъ визьмется свои докладкы докладать, та выгадки выгадувать—бодай и не снылось! То я вже и не змагаюсь, а якъ той побидашъ, що сівъ ячминь, а жинка ему: «гречка!» згожуюся й я: «нехай буде гречка!»

Марко Вовчокъ.
